

# ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТЕКСТА КАК ПРОДУКТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

**Е.С. Никитина**

Типологический смысл есть результат типологического понимания. Человек рождается в этот мир как в мир типических определенностей и уже на ранних стадиях развития, усваивая язык, научается воспринимать явления, предметы, существа в мире как типы, а не как сочетания уникальных и неповторимых качеств. Люди научаются безошибочно распознавать тип взаимодействия, «угадывая» его по частным признакам, ибо заранее имеют ощущение целого предстоящего взаимодействия, его композиционного строения, типичного начала и завершения и прочих «жанровых» признаков. При рассмотрении понятия текста в плане семиотики культуры, было обнаружено, что, для того чтобы какое-либо сообщение могло быть определено как «текст», оно должно быть как минимум дважды закодировано. Во-первых, как сообщение и, во-вторых, как метасообщение, как отнесенное к жанровому единству, осознанное представление о чем-либо в качестве коммуникативного сообщения. Типологический смысл соединяет один текст с другими, подводя его под жанровую определенность. Наличие типологического смысла позволяет преобразовывать текст: сжимать его, пересказывать «своими словами», переводить на другие языки и прочее. Выделение типологического смысла позволяет совершать многочисленные трансформации и взаимобмены в разных знаковых системах, оставаясь внутри заданного смысла.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** текст, типологический смысл, стереотипное понимание, дедукция, абдукция, интерпретация

**НИКИТИНА** Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела психолингвистики Института языкознания РАН. m1253076@yandex.ru

Цитирование: Никитина Е.С. Типологический смысл текста как продукт типологического понимания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 88–104. Режим доступа: [www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

## **THE TYPOLOGICAL SENSE AS THE RESULT OF A TYPOLOGICAL UNDERSTANDING**

**Elena S. Nikitina**

Typological sense is the result of typological understanding. Human being is born into this world as the world of certainty and typical, and in the early stages of development, learning a language, learn to perceive the phenomena, objects, creatures in the world as types rather than as a combination of unique and inimitable qualities. People learn to accurately identify the type of interaction, "guessing" on its private grounds, have a feeling for the advance of a forthcoming cooperation, its composite structure, typical of the beginning and the end, and the other "genre" signs. When considering the concepts of text in terms of semiotic culture, it was found that, to any message could be defined as "text", it should be at least double-encode. Firstly, as a message, and, secondly, as metamessage referred to the genre as a unity, a conscious representation of something as a communicative message. The typological sense connects one text to others, bringing it under a single genre definition. Have typological sense allows us to convert text: compress it, retelling "in our own words", to translate into other languages, etc. The allocation of typological sense allows us to make numerous transformations and interchanges in different sign systems, while remaining within the specified sense.

**KEY WORDS:** text, typological sense, stereotypical understanding, deduction, abduction, interpretation

NIKITINA Elena S. – candidate of Philology, docent, leading researcher at the Department of Psycholinguistics of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. [m1253076@yandex.ru](mailto:m1253076@yandex.ru)

Citation: Nikitina E.S. The typological sense as the result of a typological understanding // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 3. P. 88–104. Access mode: [www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Смысловая многомерность любого текста включает в себя смысл типологический в качестве базового компонента понимания текста. Для обоснования этого утверждения рассмотрим вначале образцы типологического понимания, результатом которого является типологический смысл, в герменевтической традиции смысл душевный, умственный или моральный.

Гений дедуктивного метода и герой рассказов Артура Конан Дойла Шерлок Холмс так говорит о себе: «Я сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно, с помощью своих знаний в области истории преступлений, я помогаю им разобраться. Между преступлениями существует прочное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях о тысячах однотипных преступлений, было бы странно, если бы вы не разгадали тысячу первое» (Дойл, 2007: 20). Однако, кроме наличия «банка случаев» и дедуктивного метода необходимы и иные способности. И главная из них – отыскание «схожести» в ситуациях.

Знаменитый «дедуктивный» метод Холмса заключается в выделении общего логического стержня расследуемого случая: задаваясь вопросами «Как и с какой целью было совершено преступление?» расследующий получает возможность прямого усмотрения итога дедуктивных рассуждений: «Кто?». Это «прямое усмотрение», непостижимое для профессиональных конкурентов Холмса, заключается в уяснении типологического смысла криминальной истории, т.е. характерной схемы мотивов, рассуждений и действий, которая определяется типажом преступника. В рассказах о

Шерлоке Холмсе фигурирует несколько подобных типажей викторианской эпохи: «заурядная личность» (The Adventure of the Blue Carbuncle); «незаурядная личность» (The Musgrave Ritual), «примитивная личность» (The Adventure of Six Napoleons); «колониальная личность» (The Boscombe Valley Mystery). Специфические познания (к примеру, отличия пепла от разных сортов табака), отточенная наблюдательность, позволявшая определить образ жизни, профессию, вкусы и привычки на основании внешности собеседника служат все той же цели: выявление типажа криминального субъекта и дальнейшие рассуждения в рамках «смыслового стандарта» этого типажа.

Приведем еще один пример, но уже из области перевода. При переводе текстов на другой язык наиболее часто затруднения возникают при переводе идиоматических конструкций, пословиц, поговорок. Такие затруднения, как показывает практика, не являются проблемой владения техникой перевода как такового, поскольку возникают и у опытных переводчиков. Основной задачей адекватного перевода метафоризированного текста является раскодирование метафорической фигуры, обнаружение логической схемы, конструирующей метафору из содержания со стандартными референциями. Эта логическая схема также является типологически-смысловой, что подтверждается большим количеством совпадений метафорических значений пословиц и поговорок в разных языках. Сходные смыслы обобщенных ситуаций опредмечены в различных выразительных средствах: “When pigs fly” в русском языке имеет параллельную форму с тем же смыслом невозможного, абсолютно нереального события: «Когда рак на горе свистнет». Смысловой аналог английской пословицы “Cat in gloves catches no mice” в русском языке имеет несколько вариантов: «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда»; «Где бабы гладки, там воды нет в кадке». Пословица и в оригинале, и в иноязычных аналогах, выражает единый тип смысла: если ты чего-то хочешь добиться – походи и потрудись.

Таким образом, успешной и чаще всего реализуемой на практике стратегией перевода устоявшихся в языке оригинала метафорических

оборотов является передача не значений, а обобщенной смысловой конструкции, причем эквивалентными образцу средствами также фольклорного ряда, найти которые в языке перевода всегда возможно, поскольку в пословицах логико-грамматическая и содержательная структура является вторичной по отношению к их смысловой организации. Иначе, смысл не привязан ни к конкретному образу, ни к логической схеме, ни, тем более, к языку. Он в точном соотношении всех этих трех составляющих высказывания: ситуационного концепта, средств языка, образной конкретики.

Но как в таком случае устанавливается тождество между двумя смыслами текстов? На основании чего делается вывод, что это «про одно и то же»? При ответе на этот вопрос обратимся вновь к рассуждениям Шерлока Холмса. «Большинство людей, – говорил Холмс, если вы изложите им последовательность событий, сумеют предсказать результат. Они в состоянии сопоставить факты и сообразить, что из них вытекает. Но только очень немногие, зная результат, способны на основании интуиции развернуть цепочку вспять и догадаться, какие события привели к этому результату. Вот это я и называю умением заглянуть в прошлое или аналитическим мышлением» (Дойл, 2007: 111). Однако в повседневной жизни важнее думать о будущем, поэтому у нас и не развита способность осмыслять прошлое. Большинство людей мыслят синтетически, или, по принципу типологического понимания – сведения неизвестного к известному. В социальной психологии такое понимание называют стереотипным, схемы которого формируются в предшествующем опыте.

Социальные стереотипы – продукт коллективного мышления. Это схематизированные, устойчивые представления о мире, выработанные коллективным сознанием человеческих общностей (этносов, социально-профессиональных или субкультурных групп и т.д.). Социальные стереотипы имеют императивный характер, включая в себя имплицитные процедуры категоризации фактов и явлений, объяснительные и прогностические схемы,

оценочные критерии. Для отдельного носителя стереотипных ментальных конструктов их полезная роль выражается в упрощении процессов познания до усвоения набора относительно несложных схем. Функциональность стереотипов исчерпывается набором социальных ситуаций, в которых затруднительно сориентироваться и выработать собственное отношение на основе своего, неизбежно ограниченного, жизненного опыта. И, тем не менее, люди выходят за границы коллективно-стереотипного понимания.

В рамках концепции школы социальной феноменологии весь универсум человеческого опыта Альфред Шюц разделяется на «сферы реальности»: «повседневность» или обиходный пласт опыта, и «конечные области значений» (*finite province of meaning*) – сон, игра, религия, художественное творчество, научное теоретизирование, душевная болезнь. «Повседневность» укоренена в предметно-телесной реальности, и потому противопоставлена остальным сферам опыта, которые существуют исключительно как ментальные построения. Согласно А. Шютцу (Шютц, 2003), эти области опыта должны быть определены как «конечные»: они самодостаточны, функционируют независимо друг от друга. Их интеграция или естественное взаимодействие невозможны ввиду различных правил определения знаково-символической роли одних и тех же фактов и явлений в разных системах.

Когда привычный ход событий нарушают проблемные ситуации, существуют два механизма их урегулирования: включение «чужого» в привычную сферу через интерпретационные механизмы, то есть, превращение трансцендентного в нормальное, повседневное и привычное – в знак (иногда в симптом) – или же, использование «инаковости» в качестве символов между разными реальностями. Непредсказуемость означает расхождение с ожидаемым, предписываемым ситуационными конвенциями. В этих случаях ситуационный контекст с неизбежностью расширяется ввиду наличия факторов, неизвестных реципиенту и не учтенных им, что и приводит к неэффективному считыванию, расшифровке поведенческих

знаков, исходящих от партнера, и соответственно, ошибочному предсказанию его дальнейшего поведения. Для поиска недостающего звена в объяснительной схеме необходимо «разомкнуть» контекст, обратившись к носителям расширенного знания о типовой ситуации или типовом партнере по взаимодействию. В качестве таковых носителей знания, расширенного в сравнении с обыденным, повседневным знанием, выступают эксперты-профессионалы.

Экспертное знание характеризуется, во-первых, метапозицией его носителя, т.е. позиционной объективностью: эксперт должен быть лично нейтрален к ситуации, держать сторону истины, а не кого-либо из оппонентов или иных причастных лиц. Во-вторых, экспертное знание содержательно объективнее: оно глубже и точнее в необходимых деталях. И, наконец, экспертное знание системно и методично, выстроено в эмпирически проверенных, или хотя бы непротиворечивых поисковых и объяснительных схемах той или иной области знания (криминалистики, психиатрии, экономики и т.д.). Потому, экспертное знание предстает более истинным в противовес обыденному пониманию, которое опирается на субъективную аксиоматику, эклектично соединяющую социальные стереотипы и прецеденты личного опыта.

Противопоставление особенностей экспертного и обыденного понимания ситуации предполагает эталонную экспертную позицию, что не всегда соблюдается на практике; в то же время прецедентная логика, характерная для «обыденных мыслителей», пользуется признанием в правовом дискурсе – социально-экспертной области. Важны, однако, основания принципиального разграничения двух видов знания. Обыденное понимание организовано в соответствии с определенной исповедуемой «концепцией» и поэтому сразу устремляется за всем, что ей релевантно. Научное понимание – строго определено и точно в выводах, опирается на эмпирические обобщения. В современном мире доверие к экспертному мнению является исключительным.

Между тем у экспертного знания с повседневным пониманием общего больше, чем представляется на первый взгляд (Ионин, 2004: 129-135). Экспертное знание оперирует процедурными стандартами, т.е. стереотипизировано с процессуальной стороны. У эксперта свои, но также типические представления о взаимосвязи событий. В противном случае распадется коммуникативная связь.

Одно из условий успешного взаимопонимания – предположение о том, что партнеры по взаимодействию воспринимают и интерпретируют происходящее сходным образом. Шюц именовал это бессознательно используемое допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив». Тезис содержит два постулата.

Первый постулат гласит: «Я принимаю на веру – и предполагаю, что другой поступает так же, – что, если я поменяюсь с ним местами так, то его “здесь” станет моим, то я буду находиться в том же удалении от предметов и видеть их в той же степени типичности, как и он сам, более того, для меня будут достижимы те же вещи, что и для него (и наоборот)» (Shutz, 1966: 112). Вторая составляющая общего тезиса постулирует совпадение «систем релевантностей» партнеров по взаимодействию: «Пока не доказано противоположное, я принимаю на веру (и предполагаю, что другой поступает так же), что различия в перспективах, обусловленные уникальностью его и моей биографических ситуаций, безразличны по отношению к наличным целям любого из нас...<...> и мы оба отбираем и интерпретируем актуально или потенциально общие объекты и их свойства одинаковым образом или, по крайней мере, “эмпирически идентичным” образом, то есть, достаточно одинаковым для достижения любой практической цели» (Shutz, 1966: 112). Другими словами, в повседневной жизни, взаимодействуя друг с другом, партнеры исходят из того, что эта реальность для них абсолютно одинакова, а смена коммуникативных позиций в процессе общения никак не влияет на предмет обсуждения. При этом индивидуальная несхожесть в жизненном опыте, отношении к миру и восприятию его вполне осознается участниками

общения, как и невозможность понять и быть понятыми «до конца и во всем». Тем не менее, партнеры по общению с самого начала приняли допущение, что эти различия не имеют значения для решения задач, стоящих перед ними в данном взаимодействии. Именно поэтому взаимодействие результативно. Этот факт взаимного приспособления партнеров и описывает шюцевский «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив», т.е. точек зрения на ситуацию в целом.

В основании этих допущений лежит процесс «усечения» образа партнера по коммуникации, сведения его к известному социальному или коммуникативному типу: «бизнес-партнер», «блондинка», «мажор», «эффективный менеджер» и т.д.

Повседневная жизнь состоит из встреч и общения с человеческими типажам, а не с личностями. Субъекты взаимодействия лишаются уникальных черт и приобретают черты универсальности и безличности, черты социальной типичности и таковыми входят в определение ситуации.

Остается, однако, вопрос: с помощью каких средств и процедур мы опознаем, с какой ситуацией взаимодействуем? Прежде всего, партнера необходимо идентифицировать как определенный тип, или, другими словами, подвести ситуацию под типологическую схему. Механизм типологизации есть процесс понимания через дедуктивные схемы.

Согласно концепции речевых жанров М.М. Бахтина (Бахтин, 1979: 237-280), специфической характеристикой высказывания является его пропозициональная завершенность, которая превращает высказывание в утверждение. Утверждение претендует на истинность, то есть, предполагает эту истинность оценивающий ответ. Процесс типологического понимания всегда «двухголосен»: он включает не только реакцию, но и активный типологизирующий комментарий к реплике партнера. В диалогическом взаимодействии интерпретируется и переинтерпретируется сама ситуация взаимодействия, типологические характеристики личности ее участников. Важность такого рода типологических интерпретаций и переинтерпретаций

нельзя недооценивать. Это не просто эпифеноменальные субъективные «довески» к жесткой, стабильной структуре взаимодействия. Наоборот, эти изменения представляют собой собственно его взаимодействия, переструктурирование, ибо они «...изменяют реальную среду деятельности членов общества. Подобные изменения трансформируют одну реальную совокупность воспринимаемых объектов в другую. Любая из возможных модификаций повседневных фоновых ожиданий (типов) открывает новые возможности для дальнейшей деятельности. Мы сталкиваемся с новой объективной структурой среды, порожденной этими изменениями» (Garfinkel, 1967: 29). Иными словами, всякое типологическое понимание порождает типологизацию всех уровней коммуникативного контекста, которая конструирует житейско-практическую версию социальной структуры общества в целом. Если взаимодействие состоялось, и, следовательно, взаимное понимание достигнуто, то значит, повседневные версии структур социальных связей и отношений, содержащиеся в сознании участников, совпали, образовав, тем самым, взаимоприемлемую основу дальнейшей совместной деятельности.

Взаимозаменяемость перспектив должна функционировать, чтобы понимание стало основой дальнейшей деятельности, адекватной объективной ситуации.

Механизм типологизации заложен в жанровой организации речевых высказываний. М. Бахтин отмечал, что, подобно мольеровскому Журдену, который говорил прозой, не подозревая об этом, мы, сами о том не задумываясь, используем в разговоре различные речевые жанры. Под жанром Бахтин подразумевал типологическую определенность всех и всяческих языковых взаимодействий.

Человек осваивает речевые жанры в непосредственной практике общения с самого раннего возраста. «Мы научаемся отливать нашу жизнь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, <...> с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого,

которое затем только дифференцируется в процессе речи» (Бахтин, 1969: 257-258). Примерно так же обстоит дело и с типами повседневных взаимодействий (типы ситуаций, личностей, мотиваций и т.д.).

Социокультурная реальность – это мир типических определенностей, и функционирование сознания напрямую связано с познанием отдельных предметов и явлений через их типологическую принадлежность, а также обретение навыков оперирования типологическими категориями в построении суждений о мире. Именно в этом смысле любое восприятие опосредованно. «Ситуационный жанр» с его типовой нарративностью, ансамблем обстоятельств, исполнителей ролей, деталей распознается обыденным сознанием столь же безошибочно, как и речевые жанры. Он соединяет нас с другими. Между индивидами устанавливается единое коммуникационное пространство.

**Понимание: дедукция и абдукция.** В основе повседневных умозаключений лежит логический (точнее, квазилогический) аргумент, который американский философ и математик Чарльз Пирс назвал абдукцией (Pierce, 1956: 271-276). Абдукцию в самом общем смысле можно определить как инвертированную дедукцию. В дедуктивном рассуждении посылка абсолютна, следствие же является функцией от посылки. Структура абдуктивного умозаключения противоположна: следствие первично и абсолютно, посылка функционально зависит от него. Это и определяет направление рассуждений: дедуктивное развивается от посылки к следствию, отбрасывая в итоге те варианты следствий, которые не соответствуют посылке; рассуждение по абдукции «подбирает» подходящую посылку к не подлежащему сомнению следствию. Заслуживает внимания диаметральной оценка посылок и следствий в дедуктивном и абдуктивном рассуждениях. Для дедуктивного мышления посылки более значимы, чем следствия, хотя бы потому, что посылка, или причинный фактор, вызывает целую цепь последствий, которая не обязательно заканчивается на наиболее очевидном из них. Поэтому дедуктивное мышление с легкостью

преодолевают противоречие между всегда истинной посылкой и «неожиданным» фактом-следствием. Следствие не конечно, а также вовсе не обязательно истинно (в том смысле, что оно может быть неистинным в роли следствия и быть лишь промежуточным звеном, и тогда «случится что-то еще», либо являться дополнительной посылкой). В качестве иллюстрации можно привести афоризм криминалистов: «После этого – не значит вследствие этого».

Пирс определял абдукцию как интуитивную гипотезу. Абдукция не есть результат логической работы в традиционной ее форме, а возникает, по выражению Пирса, как озарение (или догадка). «Конечно, различные элементы этой гипотезы присутствовали в моем сознании и раньше, но именно мысль сопоставить то, что раньше я не подумал бы сопоставлять, заставляет новое предположение вдруг молнией вспыхнуть в моем сознании» (Pierce, 1956: 171). Особенность абдуктивной гипотезы в том, что она мыслится как априорно доказанная. Абдукция, в основе своей представляющая «угадывания» типа развертывающегося взаимодействия, обречена на перебор гипотез, запускаемый заново при появлении рассогласований. Но иного пути нет, ибо дедукция не дает нового знания, но есть всего лишь включение нового предмета в старую схему. В типологически верифицированных ситуациях могут применяться и дедукция, и индуктивные заключения, но типологическое определение новой ситуации, соотнесение нового факта, «выпадающего» из нормализованных объяснительных схем, с известным субъекту набором типов ситуаций, личностных типажей требует абдуктивного понимания. Чарлз Пирс отметил, что «если мы вообще стремимся понять явление, то это должно происходить путем абдукции». Абдукция не рефлексивна по своей сути, проявляется как мгновенное «узнавание» одной из привычных схем, поэтому зачастую отождествляется со «знанием жизни». Не будучи свойством тренированного критического ума, абдуктивный способ рассуждения не отслеживается субъектом; события, вещи, мотивы, люди отождествляются с прямым и

непосредственным восприятием явлений, усматриваются «естественным» образом, такими, какими они явились сознанию и были осознаны, не подвергаются сомнению, и служат ориентировочной основой для действий (Pierce, 1956: 181).

В силу ограниченности насущного опыта мышление с необходимостью нуждается в исходных априорных положениях, которые являются относительными, привязанными к определенной системе социокультурных координат. Поэтому, согласно Щюцу, человеческий опыт приобретает смысл, только будучи включенным в определенную сферу бытия. Познание начинается с предсуществующего знания о ситуации, в которой оно будет осуществляться. Это – предварительное понимание, «пред-рассудок» (по Гадамеру), заданный определенной традицией. Организованная деятельность сознания представляет собой уже вторичное понимание. Устранение же «предпонимания» как предпосылки любого познания неизбежно приводит к устранению всякого познания вообще.

Абдуктивный принцип повседневного понимания называют еще принципом недостаточного основания. Это всегда разрыв в типологической интерпретации явлений при возникновении проблемной ситуации. В рамках феноменологического подхода проблемная ситуация связана не с предметно-фактической стороной, а с интерпретативной процедурой.

Проблема – это сбой в построении приемлемой гипотетической конструкции на основе абдуктивного вывода. Фактически каждое решение «жизненной задачи со многими неизвестными» совершенного в условиях неочевидности, начинается с выдвижения абдуктивной гипотезы. Критериям дедуктивного рассуждения отвечает лишь изложение хода уже понятого события. Так, в детективных романах сыщик непременно завершает свое участие в раскрытии преступления подробным и логически выстроенным рассказом о том, как зародился и был осуществлен замысел преступления, как и с помощью чего в итоге изобличен преступник. Без этой заключительной части читатель многого не смог бы понять, но она скрывает

абдуктивные гипотезы, благодаря которым стало возможно раскрытие преступления.

Повторим, обыденное понимание и профессиональная экспертная интерпретация опираются на одни и те же мыслительные процедуры на начальной стадии разрешения проблемной ситуации, когда решается важнейшая задача – первоначальная типизация фактов, событий, окружения. Но различия представляются более существенными. Когда тип и природа ситуации выяснены, носитель обыденного сознания так и остается в плену жанра (по терминологии Бахтина) до тех пор, пока новый нетипичный факт не поставит под сомнение жанровую определенность ситуации, другими словами – пока не возникнет новая проблема.

Эксперт-профессионал действует не в рамках жанра, а в рамках метода. Для него ретроспективное воссоздание событий (расследование) начинается только после того, как сформулирована абдуктивная гипотеза, из следствия «выведена» возможная причина. Приняв условно созданную в результате абдукции типовую картину явления, он производит на ее основе дедуктивные построения, которые подвергает эмпирической верификации, применяет индукцию и т.д.

***О типологическом смысле.*** Согласно герменевтической традиции принято считать, что в тексте можно обнаружить не менее трех смыслов. Это смысл буквальный (о чем повествуется), типологический (образцовый, или моральный) и духовный (соединяющий понимающего с Богом). Если последний соединяет понимающего с Другим в диалоге, то типологический смысл соединяет текст с текстом, подводя их под единую жанровую определенность.

Семиотика культуры постулирует, что не всякое высказывание, имеющее коммуникативную интенцию, может быть определено как текст.

Текст кодируется, во-первых, как сообщение и, во-вторых, как метасообщение, как отнесенное к жанровому единству, осознанное представление о чем-либо в акте коммуникации. Лотман, например, пишет,

«что сообщение, определяемое как «закон», отличается от описания некоего криминального случая тем, что одновременно принадлежит и естественному, и юридическому языку, составляя в первом случае цепочку знаков с разными значениями, а во втором – некоторый сложный знак с единым значением. То же самое можно сказать и о текстах типа «молитва» и т.п.» (Лотман, 2002: 158-159). Типологический смысл задает схему, алгоритм распределения содержания с определенным смысловым итогом, и повторного распределения в другие тексты, а также рамки варьирования языковых средств при построении вторичных текстов (пересказ, перевод), с сохранением смысла. Выделение типологического смысла позволяет совершать многочисленные трансформации и взаимобмены в разных знаковых системах, оставаясь внутри заданного смысла. Именно в этом фокусе смысла содержится мыслительное ядро текста.

Смысл возникает в актах понимания. Понимание надстраивается над мышлением, задавая последнему новую координату – координату смысла – текстового воплощения мыслительной задачи. Будучи связанными с мыслительными процессами, механизмы понимания отличаются от механизмов интерпретаций, так как последние надстраиваются не только над мыслительными, но и иными психическими образованиями, например, чувствами, представлениями, воспоминаниями, фантазиями и проч. Через рефлексивные процедуры мышления, в понимании формируется нормативная или типологическая схема смысла, позволяющая узнавать его в разных знаковых воплощениях. В качестве спутника мышления понимание выполняет функцию культурного смыслового контроля. Без такого контроля смысл есть «несуществующая сущность, поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» (Делез, 1995: 11).

### ***Источники – Primary Sources in Russian***

Доул, 2007 – *Доул А.К.* Этюд в багровых тонах. М.: Издательский Дом Ридерз Дайджест, 2007.

### ***Ссылки – References in Russian***

Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Делез, 1995: 11 – *Делез Ж.* Логика смысла. Москва: Издат. центр "Академия", 1995.

Ионин, 2004: 129-135 – *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

Лотман, 2002 – *Лотман Ю.М.* Культура и текст как генераторы смысла // История и типология русской культуры. Санкт-Петербург, 2002. С. 162–168.

Шютц, 2003 – *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

### ***References***

Bakhtin, M. (1979) *Aesthetics of verbal creativity*, M., Iskusstvo (in Russian).

Delez, Zh. (1995) *The logic of meaning*, M., Izdat. tsentr «Akademiya» (in Russian).

Doyle, A. (2007) *A study in scarlet*, M., Izdatelskiy Dom Riderz Daydzhest (in Russian).

Garfinkel, H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, New Jersey, Englewood Cliffs.

Ionin, L. (2004) *Sociology of culture*, M., Izdatelskiy dom GU VShE (in Russian).

Lotman, Yu. (2002) Culture and text as sense generators // History and typology of Russian culture. Sankt-Peterburg, «Iskusstvo» SPB. S. 162–168. (in Russian).

Peirce, Ch., (1931–1958) *Collected Papers of S.S. Peirce*, ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss, 8 vols, Cambridge, Mass., Belknap/Harvard University Press.

Schutz, A. (1966) *Collected Papers: The Problem of Social Reality*, Vol. 3, Hague, Nijhof.

Schutz, A. (2003) *Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*, M., Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» (in Russian).